

*«Английский рецепт»
для российских гендерных исследований*

Ольга Воронина

Особенности возникновения

Общепризнано, что ГИ пришли в Россию с Запада. Они не выросли на отечественной интеллектуальной и социальной почве (таковой просто не было), но и не привнесены насильственно «западными фондами». Они «проросли» через книги – а таковые я читала в российских библиотеках еще в 70-е годы 20-го века, через людей и расширяющиеся международные контакты. Это значит, что здесь существовала определенная готовность к восприятию гендерных идей, но в силу разных причин очень ограниченная. По существу, эти *идеи* проросли в совершенно чуждой и иногда даже враждебной им среде, как цветок на асфальте. И причины этого вполне очевидны.

Ведь в Европе и США история развития философии прав человека и законодательная практика в этой сфере насчитывают почти три столетия. Западные люди могут не знать, как именно закон формулирует те или иные права, но они точно знают, когда их права нарушены и через какие институты их можно защитить. Идея неотъемлемости своих прав и защиты достоинства человека – одна из аксиом тамошнего существования. А для нашего соотечественника права человека – это звук пустой, никто в них не верит. В лучшем случае представление о неотъемлемости права модифицируется в требование «льгот», в худшем – признается право «власти/дубинки». Мы это очень ясно поняли в нашем исследовании в Рыбинске. В России до сих пор право малоэффективно, все мы живем в неправовом пространстве, как говорят, строгость российских законов компенсируется необязательностью их соблюдения.

Текст выступления на семинаре И.А. Жеребкиной «Политическое воображаемое гендерных исследований в бывшем СССР: взгляды изнутри, снаружи и со стороны» (17 июня 2005 г., Москва, Московский офис Фонда Дж.Д. и К.Т. МакАртуров). Участникам семинара было предложено обсудить особенности возникновения и развития гендерных исследований в России.

Западный феминизм возник на интеллектуальной почве философии прав человека, взяв от нее гуманистический пафос и продолжив ее дело. И именно поэтому те ценности, которые он нес, оказались приняты западным обществом, в том числе и академическим. Женские исследования и феминистская теория возникли в основном под влиянием социального движения, вследствие необходимости ответить на насущные социальные проблемы, а не вследствие развития самой социальной науки. Феминистская критика науки показала, что производство знания есть политический процесс, в ходе которого конструируется система иерархии и неравенства. Важно подчеркнуть, что западное академическое сообщество приняло эти идеи. В немалой степени это связано с тем, что для развития «западной» науки характерна рефлексия о сути науки как формы знания, о миссии науки, этических нормах, а также столкновение теорий и разных подходов. Иными словами, наука – это некоторая саморазвивающаяся система. Именно поэтому гендерный подход к анализу социальности и был (хотя и не без некоторого сопротивления) принят научным сообществом. Иными словами, «академические» ГИ, гендерная теория прошли собственный путь становления в определенном культурном, социальном и политическом пространстве.

В России нет такой интеллектуальной и социальной истории, и это губительный факт для многих идей и концепций, а не только для ГИ. Понятно, в каких условиях развивалась российская (и советская) наука и сами ученые: насильственная изоляция от мира, «легитимация» одной правильной теории и методологии в социальных науках, ограничение свободного развития идей. Снятие идеологических ограничений не может за какие-то десять-пятнадцать лет привести к формированию нового образа научного мышления, даже если мы не будем говорить о том экономическом, методологическом и идеологическом кризисе, в котором сегодня совершенно очевидно пребывает социальное и гуманитарное знание в России.

Значит ли это, что гендерная теория и методология чужда России?

В политическом смысле – да, потому что она несет в себе критический дух феминизма и идею о социальном конструировании гендерной системы как системы неравенства. Однако в методологическом плане «заимствование западной методологии» для анализа социальных процессов в России является не более опасным, чем использование «иномарки» вместо «копейки». Все рассуждения о необходимости «адаптировать» гендерную методологию для «российских дорог» представляются мне идеологически ангажированными. Другое дело, что возникают трудности с терминологией – конечно, всегда хорошо заменять иностранные слова своими родными, но и здесь коллизия *мы/они* пред-

ставляется иногда надуманной (многие науки используют западную терминологию, и обычно это мало кого волнует). Но главное – язык оформляет то, что есть в сознании. И если в российском сознании нет понятия *women's human rights*, то нам его надо туда вносить пусть даже и корявым с точки зрения русского языка словосочетанием «права человека для женщин». Потому что это – не синоним «женских прав» или просто «прав человека». И, в конце концов, чем искореженное французское слово «дежурный», которое многие считают «чисто русским», лучше чисто английского «гендер»? И почему *тендер* может спокойно использоваться в русскоязычном пространстве, а *гендер* – нет? Противодействие со стороны политических и академических кругов интеграции гендерной терминологии в социальное знание означает, на мой взгляд, только одно: они чувствуют, что с новыми словами приходят и новые понятия, нагруженные иными мировоззренческими ценностями.

О феминизме в России

На мой взгляд, здесь и сегодня он может быть реализован только как личный проект, а легитимация западных теорий и развитие «русских феминистских исследований» (на чем, например, настаивает Н. Блохина) или «русского феминистского движения» мне не представляются возможными в ближайшее время. Это связано не только с тем, что феминистские теории на Западе формировались в основном в рамках развитых политических (либерализм, социализм) или интеллектуальных концепций (психоанализ, постмодернизм). Прежде всего, невозможность развития феминизма в России связана с глубокой архаичностью российской культуры, в которой базовым основанием самоидентификации женщин выступает пол и его самое яркое выражение – материнство. А «женственность», как всем известно, это «исконно русская национальная ценность»...

Теперь уже совсем отрицать феминизм невозможно, и на уровне массового сознания власть представляет и маркирует феминизм дискурсом Маши Арбатовой. И совершенно не случайно никаких других феминисток в России «не существует»: Арбатова говорит именно то, что нужно для того, чтобы феминизм стал, мягко выражаясь, неприемлем для большинства «обычных» женщин.

Иными словами, запрет на феминизм – это политический жест. Ведь именно феминизм с его необязательной рациональностью и жесткой строгостью доказательства, с его провокативностью и радикализмом дает гендерной теории необходимый культурно-трансформирующий импульс. Замалчивание или отрицание интеллектуальной и мировоззренческой преемственности гендерной теории от феминизма, искусственное «обакадемичивание» гендерных ис-

следований ведет к выхолащиванию их эвристического потенциала. И в таком виде ГИ не представляют собой вызова академическим традициям, они оказываются просто слегка обновленными понятными и безопасными статьями и диссертациями «про женский вопрос». Некоторая популярность такого рода ГИ началась с середины 90-х годов, когда масса «обществоведов» старой школы искала новые темы, и слово «гендер» вместо «марксистско-ленинский подход к решению женского вопроса» для них означало идеологическую перелицовку. Я об этом говорила еще на Первой летней школе по гендерным исследованиям (которую МЦГИ провел в 1996 г.), назвав такого рода штудии псевдо-гендерными.

«Достижения» и проблемы ГИ в России

Собственно гендерных исследований не так много, потому что такие исследования предполагают использование гендерного подхода в изучении и анализе социальных и культурных процессов и явлений. Российские исследователи находятся пока на стадии самостоятельного освоения этого подхода, и здесь есть как очевидные успехи, так и неудачи. Примеров его использования для изучения российских реалий не много, но что уж тут говорить, если научные исследования практически не финансируются российской стороной. И то, что в таких условиях за десять лет сформировались научные школы – это просто удивительно. Я, например, отчетливо могу выделить школу МЦГИ с его ориентацией на использование гендерной теории для анализа социально-экономических и социально-политических проблем современной России, школу Е. Здравомысловой и А. Темкиной с их отчетливым гендерным методологизмом в социологии, школу ХЦГИ с их вниманием к гуманитарной проблематике. Конечно же здорово, что есть летние и Интернет-школы, и журнал, и публикации.

К числу проблем я бы отнесла, во-первых, излишний академизм работ. Я против непрофессионализма и эмоционального активизма, *но* меня очень беспокоит *непопулярность* тем, связанных с анализом реальных гендерных проблем в России. Очевидна ориентация на популярные на Западе темы работ (это грантово-финансово понятно, но это проблема).

Во-вторых, отказ гендерного сообщества от работы с властью. По десятилетнему опыту работы с Госдумой и другими структурами я и мои коллеги по МЦГИ знаем, что деятельность эта фрустрирующая, но работать все равно надо.

В-третьих, все-таки до сих пор пока чрезвычайно мало исследователей и преподавателей, действительно чувствующих и знающих гендерный подход. Иногда, когда читаешь иные авторефераты диссертаций или статьи, просто руки опускаются... Отсюда – изобретение велосипеда, вроде идеи Н. Блохиной о

необходимости развития какой-то особой российской «гендерной аргументации».

В-четвертых – нет корпоративной этики. Это выражается в том, что в нашей среде отсутствует внимание к работе друг друга – у меня такое чувство, что мы друг друга давно внимательно не читаем, хотя иногда слушаем. Отсюда ощущение, что твоя работа не нужна не только «им» (гендерно нечувствительному окружению), но и «коллегам по гендеру». У нас не приняты нормальные правила жизни в научном сообществе – открытая дискуссия по работам и идеям коллег, честные (пусть и критические, но доброжелательные) рецензии на книги. Поэтому в нашем гендерном сообществе нет развития и обмена идеями, каждый/каждая в одиночку и как бы «с нуля» осваивает гендерные залежи, как будто за спиной не было никого...

Институционализация

Это проблема амбивалентная: без нее нельзя, а с ней совсем помрем. Потому что сейчас никто не посадит в министерства, ректораты и ученые советы И. Жеребкину, А. Темкину, Е. Здравомыслову, О. Хасбулатову, О. Воронину... А те, кто там сидит и будет в случае институционализации «заниматься гендером», лучше бы этого не делали... Может быть, стоит подумать о создании Ассоциации гендерных исследователей, но, честно говоря, я не думаю, что наше сообщество к этому готово.

Резюме

Мой двадцатипятилетний опыт работы на нескольких гендерных полях – теория и методология, экспертиза, образование, политическое консультирование, просвещение – систематически ввергает меня в стрессы и депрессию. Все-таки бороться с политической и академической косностью так долго трудно, и я не вижу значимых структурных сдвигов. С другой стороны, что же нам делать, если в Англии Парламент существует более 600 лет, идее о правах человека 250 лет, и даже феминизму уже больше 200 лет, а в России тезис о правах человека безнаказанно существует только лет 15?

Я думаю, стоит вспомнить рецепт, как сделать настоящий английский газон: тщательно взрыхлить почву, удобрить, посеять «разумное, доброе, вечное» – и ухаживать за ним 300 лет. Так что вперед, подруги...